

*Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.*

«Все, что мы видим, чем кажемся,
Всего лишь сон во сне».

(Эдгар Аллан По)

Глава 1

В Москве стояло раннее жаркое лето. Разогретый асфальт, духота и пыль повсюду. Тина свернула в тихий переулок с улицы, полной выхлопных газов и шума машин, — и словно нырнула в тихий омут. Во дворе старого дома росли вековые липы. В их тени каким-то чудом сохранялась прохлада.

Тина вошла в знакомое парадное, нажала на кнопку звонка. Прислушалась. В квартире было тихо. Из-под лестницы вышла кошка, заинтересованно посмотрела, помахала кончиком пушистого хвоста.

Дверь никто не открыл. Тина позвонила еще дважды, постояла в недоумении. Ожидание вдруг стало тягостным. Она пожалала плечами и вышла на улицу. Непонятная тревога охватила ее. В уголке двора расцветала акация, порыв ветра донес ее горький аромат. Тина подумала, что Альберт Михайлович уже человек немолодой, хотя на здоровье не жалуется. Он звонил ей, просил о встрече, и вот...

В детстве она мучительно искала объяснений своим чувствам, желаниям, непонятым мечтам. С возрастом пришло осознание, что поиск объяснений — это попытки облечь непонятное и необычное в при-

8 вычную и понятную форму. В конце концов она позволила жизни идти и нести себя по течению своей собственной странной внутренней реки. Это ее путь. И пройти его предстоит именно ей. Найдется человек, способный разделить его с ней, — хорошо. Нет — что ж, так и будет...

На стене в ее комнате висел красивый спортивный лук. Спортом она совсем не увлекалась, но однажды, гуляя с отцом недалеко от спортивного комплекса, увидела тренировку стрелков из лука. С тех пор она не знала ни дня покоя, пока отец не нашел тренера, который согласился ее учить. Тина впервые взяла в руки лук, и тот как будто прирос к ней, словно она не расставалась с ним ни на мгновение. Любые цели она поражала шутя, наслаждаясь пением тетивы и любуясь полетом стрел. Это была настоящая большая любовь ее юности, пожалуй, единственная, если не считать любви к книгам...

Ей было скучно со сверстниками, она избегала шумных и бестолковых вечеринок, и вскоре ее перестали на них приглашать. Но ей никогда не было скучно со своим луком и книгами. Сначала она перечитала все, что стояло в бабушкином книжном шкафу, потом всю библиотеку родителей, потом все, что было интересного у друзей и знакомых, потом... Она решила, что ее место — среди книг, и стала работать в библиотеке и учиться заочно.

Иногда Тина подходила к зеркалу и внимательно изучала свое отражение. На нее смотрела худощавая стройная темноволосая девушка с удлиненным лицом, высокими скулами и чуть

раскосыми глазами. Она не была дурнушкой, но мальчики в школе, затем молодые люди ее круга никогда не обращали на нее внимания. Тина приняла это как должное и не расстраивалась по этому поводу. Они были совершенно не похожи на героев тех романов, с которыми она не расставалась — трубадуров, благородных рыцарей, отважных воинов.

Тина, конечно, желала большой и романтической любви, но примеры подруг и знакомых совершенно не вдохновляли ее. Все это было не то, и она перестала об этом думать.

С Альбертом Михайловичем она познакомилась в библиотеке. В тот день ее напарница Людмилочка отпросилась по своим семейным делам. Посетителей почти не было, гулкой полупустой зал насквозь прочерчивали солнечные лучи, тишину изредка нарушало чье-то покашливание.

— Сказать вам, на кого вы похожи? На Евлалию Кадмину! Великолепную, неистовую Евлалию.

Прямо перед ее столом стоял очень старый, добрый и умный человек. Все это, конечно, она узнала потом. А сейчас просто смотрела на говорившего.

— А кто это?

— Я удивился бы, если бы вы знали. — Старик добродушно рассмеялся. — Позвольте вас пригласить в гости, вы меня поразили. Давно не видел такого лица. Хорошие лица вообще редкость, ну а такое, как ваше, встречается раз в жизни.

Тина улыбнулась. Она не привыкла к комплиентам.

10 — Смею надеяться, вам не будет скучно.

Раньше я был известным московским антикваром. Люблю старинные вещи, знаете ли. Есть в них особая эстетика. У меня дома великолепнейшая коллекция. В старых вещах, скажу я вам, есть какая-то тайна. А молодые девушки обожают старые тайны. Ну, так как? Придете?

Глава 2

Квартира Альберта Михайловича оказалась просторной, с высоченными потолками, узорным паркетом и мебелью красного дерева.

«Будет что рассказать Людмилочке!» — удивленно оглядываясь, подумала Тина.

Она и не подозревала, что могут еще существовать такие жилища. Комнаты напоминали музей. Здесь смешались все времена и стили — индийские божки, фарфоровые пастушки, портреты дам в напудренных париках. В хрустальных горках расставлены дивные сервизы. Повсюду — какие-то кувшинчики, табакерки, ларчики, подсвечники...

В гостиной пахло то ли духами, то ли нафталином, то ли ароматическими палочками, одна из которых все еще курилась в подставке в виде дракона.

Целую стену занимали книжные шкафы со стеклянными дверцами, набитые книгами с тисненными переплетами, и Тине захотелось немедленно достать хотя бы одну.

Словно угадав ее желание, хозяин взял с полки книгу, полез во внутренний карман пиджака и вынул... самое настоящее пенсне в тонкой зо-

лоченой оправе. Водрузив его на нос, на- 11
шел нужную страницу и прочитал: «Мы
всего лишь строки, слова и буквы магической
книги, и эта вечно пишущаяся книга — един-
ственное, что есть в мире, вернее, она и есть мир».

Он долго смотрел куда-то в сторону, потом,
спохватившись, вспомнил о своей гостье:

— Сейчас будем пить чай из настоящего само-
вара. Вы пока посмотрите безделушки, женщины
это любят.

Он ушел на кухню и стал там греметь посудой,
а Тина увлеклась разными диковинными вещи-
цами.

На бюро стояла давняя фотография: молодая
женщина с причесанными на прямой пробор во-
лосами и уложенной сверху косой пристально
смотрела вдаль. Чуть прикрытые тяжелые веки
придавали взгляду загадочную томность. Прямой
красивый нос, полные чувственные губы, мягкий
подбородок...

«Страсть и противоречие, — подумала Тина. —
Милые черты и внутренний огонь».

— А вот и чай. Милости прошу! — Альберт
Михайлович втащил в комнату пузатый начищен-
ный самовар. — Вас, вижу, привлекла «святая
грешница» Евлалия?

— Кто она?

— Всенепременно расскажу. Да вы пейте, пей-
те чай, у меня заварка особая. — Альберт Михай-
лович с откровенным удовольствием смотрел на
Тину. — Вы любите оперу? Евлалия Кадмина бы-
ла блистательной оперной примой. Ангел и дья-
вол в одном лице! У нас в семье был своеобразный

12 культ этой пылкой ветреницы. Современники поклонялись ей. Чайковский даже написал романс «Страшная минута», и слова сам сочинил: «Иль нож ты мне в сердце вонзишь, иль рай откроешь...» Кадмина приняла романс и не раз его пела. Каждый, кто сталкивался с этой женщиной, и при жизни, и после ее таинственной смерти испытывал непреодолимое, буквально магическое притяжение ее личности.

Альберт Михайлович встал, достал из бюро потертую тетрадку в гобеленовом переплете, полистал ее:

— Вот послушайте! «Сотни людей, бывало, ожидали актрису возле служебного входа Мариинки и других оперных театров. Мерзнешь полчаса, час, — и вдруг точно электрический удар пробежит по всему телу — это показалась Кадмина. Ее огненный, гипнотизирующий взор случайно, на мгновение, столкнулся с вашими глазами — и вы уже счастливы и готовы сделать бездну глупостей, лишь бы заслужить еще такой же взгляд или мимолетную улыбку» — это моя мать записала в своем дневнике. О тайне жизни и смерти Кадминой писали Лесков, Куприн, Чехов, да мало ли еще кто...

Тина читала много и обо всем, но эту историю слышала впервые и смотрела на фото «сумасшедшей Евлалии» с возрастающим интересом.

— Обманчивая безмятежность, — заметил старик. — Будучи уже известной оперной дивой, которой рукоплескали многие театры мира, Кадмина могла зимой в санях уехать домой в костюме дочери египетского фараона, не дождавшись окон-

чания спектакля. Она заставляла антрепренеров «валяться в ногах» и колотила зонтиком режиссеров. На гастролях в Италии она заболела — известный итальянский врач Форкони лечил ее, а затем, на свою беду, женился на ней. Прекрасная Евлалия быстро разочаровалась в своем первом и единственном супруге. Они разъехались. Певица влюблялась часто и безоглядно. Мужчины ей нравились порывистые, страстные, — итальянский тенор Станио, например, или какой-нибудь бравый гвардейский офицер.

«Вся жизнь для нее была игра в любовь», — подумала Тина.

— Эта великолепная женщина сама дописала концовку своего романа. — Старик пожевал губами, обдумывая сказанное. — Выпила из театрального кубка яд прямо на сцене! Возможно, хотела, чтобы ее гибель была последним актом трагедии, которую бы наблюдали партер, галерка и ложи. Но получилось по-другому: занавес закрыли, Кадмину увезли домой. Она умерла в страшных мучениях. Грустно...

Альберт Михайлович помолчал немного. Молчала и гостья.

— Ее похоронили на Харьковском городском кладбище. А потом на ее могиле стали появляться иконы с ликом покойницы. Зловещая и странная история. Их убирали, — ведь самоубийство считается страшным грехом, а тут икона с лицом самоубийцы...

Тина почувствовала себя неудобно, словно что-то недосказанное встало между ней и стариком, сидящим напротив.

14 Альберт Михайлович заметил смену ее настроения — он подошел к коллекции индийских фигурок, выбрал одну и показал Тине. Божество из потемневшего металла сидело и смотрело на раскрытый лотос. В серединке цветка мерцал синий камень.

Тина взяла фигурку в руки — на основании она увидела изображение глаза.

— Глаз Дракона — произнес негромко старик. — Вход в неизвестное.

Между коленями божка и лотосом была надпись. Буквы почти сливались с узором из листьев и бутонов и казались частью орнамента.

— А что... — она хотела спросить, что означает надпись, но старик продолжал, как будто не слыша:

— Через Глаз Дракона можно перейти в иную реальность. Так считали древние. Глаз Гора* — видели когда-нибудь?

Тина кивнула. Отец часто водил ее по музеям и выставкам — «расширял кругозор». В залах, экспонирующих оружие, она завороженно рассматривала алебарды, мечи, дротики, луки, колчаны для стрел и прочие подобные вещи, приводя родителя сначала в недоумение, а затем в раздражение таким нетипичным для девочки пристрастием.

Еще ей нравились египетские залы. Она с удовольствием рассматривала украшения, ритуальные статуэтки, талисманы, амулеты. Глаз Гора —

* Гор — в древнеегипетской мифологии бог Солнца, покровитель власти фараона. Глаз Гора, или Око Гора, — символ победы жизни над смертью.

конечно же, именно там она его и видела. **15**

Искусно и тонко сделанный из лазурита и эмали, — даже реснички видны, — глаз смотрел из глубины веков, взирая на этот мир, проникая в самые потаенные его глубины, мерцал золотом, надменный в своей Истине.

— ...и ведомо теперь мне, что уже тысячи раз пережил я и старость, и смерть. И был я женщиной, и мужчиной, простолюдином и верховным жрецом, жил среди бессмертных... Стократ исчезал я с гибелью и растворением миров и появлялся с новым творением, но снова и снова я падал жертвой обманного существования... — донеслись до Тины слова Альберта Михайловича.

Она очнулась. Сколько он говорил? И о чем? Она ужаснулась своей невоспитанности и попыталась сгладить неловкость. Индийский божок улыбался, сидя у своего лотоса.

— Что же все-таки тут написано?

Старый антиквар посмотрел на Тину долгим взглядом, вздохнул, взял у нее из рук фигурку и прочитал: «Я могу ответить. Но ты не в состоянии понять ответ»...

Глава 3

С того дня Тина часто приходила в гости к Альберту Михайловичу. Они пили чай из саксонских чашек и разговаривали. Несмотря на разницу в возрасте, их тянуло друг к другу. Осенние или зимние вечера уже не казались Тине нескончаемыми.